

НАШИ БУРИ ■ НЕПОГОДЫ.

Когда я сравниваю настоящее время съ минувшимъ—минувшимъ, которое было даже не очень давно, напримѣръ, лѣтъ 30 или 40 назадъ, то думаю, намъ ли не жить счастливо, т.-е. спокойно, довольно, съ свѣтлымъ взглядомъ въ будущее. Изъ безчисленнаго множества поколѣній, населившихъ и обстроившихъ русскую землю, мы первые счастливцы, которые имѣемъ право называть себя не обывателями только, а нѣкоторымъ образомъ гражданами русской земли, которымъ дана извѣстная свобода мысли и самодѣятельности, извѣстная доля участія въ управленіи, данъ народный судъ, у которыхъ наконецъ *de jure* нѣтъ, не осталось и тѣни рабства нигдѣ, ни даже въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ обширнаго отечества. Правда, все это только пока въ начаткахъ, но это такіе начатки, объ осуществленіи которыхъ не мечтали люди даже ближайшихъ къ намъ поколѣній; это такіе начатки, владѣя которыми можно безбоязненно и свѣтло смотрѣть въ будущее и работать съ наслажденіемъ. Еслибы какой нибудь герой «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма» взглянулъ на наше настоящее, онъ, конечно, сказалъ бы съ восторгомъ въ простотѣ души: «да у васъ не мишура только, а дѣйствительное золото; вы настоящіе европейцы; вамъ и умирать не надо». Онъ никогда не увидалъ бы, что мы, новоиспеченные европейцы, ничуть не блаженнѣе его, — бывшаго раба или, что еще хуже, рабовладѣльца варварской Россіи второй половины XVIII столѣтія, что мы часто гуртомъ не спимъ отъ такихъ вещей, отъ которыхъ не былъ потревоженъ въ своемъ безмятежномъ спѣ ни одинъ изъ его современниковъ, что, не пользуясь въ дѣствительности политическимъ существованіемъ, мы то и дѣло терпимъ и переживаемъ политическія бури.

Читатель понялъ, конечно, о какихъ буряхъ мы ведемъ рѣчь. Онъ знаетъ ихъ такъ же хорошо, какъ и мы.

Живеть себѣ русское общество спокойно и смиренно; каждый сидитъ подь виноградомъ своимъ и подь смоковницею своею, занимаясь своимъ дѣломъ; вообще вся страна наслаждается, по выраженію одного публициста, глубокимъ земскимъ миромъ. На

отечественномъ небосклонѣ всюду свѣтло и ясно, никто не видитъ нигдѣ и не предчувствуетъ никакого признака невзгоды и бѣды. Какъ вдругъ въ это время, неизвѣстно откуда, вылетаетъ, на подобіе бомбы, нѣкто Нечаевъ и съ шумомъ и трескомъ падаетъ среди изумленного общества, приводя всѣхъ въ страхъ и смущеніе.

Кто такой Нечаевъ? Чтò такое Нечаевъ? Чей онъ посланникъ? Во имя чего и къ кому онъ явился? Какія его цѣли и намѣренія? Общество ничего этого не знаетъ и до Нечаева нѣтъ ему, повидимому, никакого дѣла. Нѣтъ, говорятъ, дѣло есть; Нечаевъ совершилъ преступленіе изъ п-о-л-и-т-и-ч-е-с-к-и-хъ цѣлей, и у него есть сообщники въ средѣ общества. Положимъ такъ, но на это есть благоустроенная полиція, которой дано право не только преслѣдовать, но и предупреждать преступленія. Обществу опять-таки до этого нѣтъ никакого дѣла, и оно имѣло бы, повидимому, полное право оставаться спокойнымъ и заниматься своимъ дѣломъ.

Однако, нѣтъ. Полиція, видимо, не знаетъ ничего твердо опредѣленного ни о замыслахъ Нечаева, ни о его сообщникахъ и чего-то ищетъ. По обыкновенію общество приходитъ въ смущеніе. Въ чемъ состоитъ нечаевское дѣло, остается для всѣхъ неизвѣстнымъ, и публика, естественно, старается поднять завѣсу съ этой тайны. Но какъ удовлетворить этому любопытству? Единственное средство въ ея рукахъ — это собрать данныя и изъ этихъ данныхъ извлечь ключъ къ тайнѣ. Но послѣ долгихъ соображеній оказывается, что изъ собранныхъ данныхъ ни къ какому общему выводу придти нельзя. Между арестованными находятся люди такихъ различныхъ состояній, званій, занятій, привычекъ, вращающіеся притомъ въ кружкахъ до того разнообразныхъ, что, очевидно, въ большей части ни между ими самими, ни между ими и Нечаевымъ никакихъ связей быть не могло. Общество теряетъ единственную надежду, бывшую въ его рукахъ, для успокоенія себя. Тогда является ему на помощь услужливая молва съ своими догадками, и производитъ рѣшительное смятеніе. Начинаютъ говорить, что Нечаевъ и нѣкоторые изъ его сообщниковъ, которыхъ называютъ и по именамъ, — разумѣется, — одни однихъ, другіе другихъ, — обличены въ важномъ политическомъ заговорѣ. И весь этотъ говоръ имѣетъ въ своемъ основаніи что-то смутное: толкуютъ о знакомствѣ, какихъ-то записочкахъ, адресахъ, фотографическихъ карточкахъ и т. п. «Помилуйте, это дѣло невозможное, — говорятъ люди солидные, — выслушивая такое показаніе молвы. Вѣдь и Нечаевъ и сообщники его были не преступниками назадъ тому два, три мѣсяца. Мало ли съ кѣмъ могли они имѣть случайныя сношенія и отношенія? Мало ли чьи могутъ быть найдены у нихъ записки, карточки, адреса? Да наконецъ карточки, адресъ могли попасть къ нимъ даже безъ вѣдома того лица, которое они обозначаютъ?» Но говоря это,

солидные люди втайнѣ все-таки остаются неувѣрены въ своихъ предположеніяхъ и колеблются. Въ это время услужливая молва приливаетъ съ новыми свѣдѣніями. Начинаютъ говорить, что родилось убѣжденіе, что все зло въ Россіи происходитъ отъ размноженія нигилистовъ; что, поэтому, къ нечаевскому дѣлу присоединяется дѣло о нигилистахъ. Но молва представляетъ такіе недостаточные, малочисленные и шаткіе факты и про и contra для своего извѣстія, что никто не знаетъ, на чемъ остановиться — и отъ этого всѣ приходятъ еще въ большее смущеніе. Но молва не останавливается на этомъ. Быстро несетъ она новый потокъ свѣдѣній и слуховъ. Начинаютъ говорить, что убѣдились, что зла нельзя будетъ никогда истребить, если не истребить причинъ, его порождающихъ. Эти причины — ультра-либеральныя, социалистическія и коммунистическія идеи, распространяемыя въ обществѣ и посредствомъ печати, и посредствомъ разныхъ обществъ, и посредствомъ устнаго слова. Это приводитъ въ окончательное смятеніе всѣхъ. Какъ провести разграничительную черту между ультра-либерализмомъ и просто либерализмомъ? Кто будетъ проводить эту черту? Что, далѣе, будетъ *признаваться* социалистической и коммунистической идеей, и что не будетъ признаваться? Кончается тѣмъ, что всѣ начинаютъ прятаться по норамъ и каждый въ уединенномъ самоозерцаніи и самоуглубленіи начинаетъ себя испытывать: не написалъ-ли онъ гдѣ нибудь, не сказалъ-ли въ обществѣ чего нибудь такого, что могло быть понято и растолковано другими за идею ультра-либеральную, социалистическую или коммунистическую. О дѣлѣ Нечаева начинаютъ говорить съ осторожностію и оглядкою, развѣ только при самыхъ короткихъ друзьяхъ; имя его произносится полупопотомъ, чтобъ не услышала прислуга дома. Всѣ, не чувствуя за собой никакой вины, начинаютъ себя считать чуть не виноватыми. Паника доходитъ до смѣшнаго. Разсказываютъ, что одинъ ех-профессоръ, отлучившійся изъ дому по дѣламъ очень рано и возвратившійся домой только къ обѣду, — за обѣдомъ съ глазу на глазъ съ своей женой, — попросилъ послѣднюю разсказать ему газетныя новости этого дня. Жена разсказала разныя новости и въ числѣ прочихъ сообщила ему, что Нечаевъ убѣжалъ за границу. Какъ только ех-профессоръ услышалъ имя: Нечаевъ, то поблѣднѣлъ и затрясся. Поспѣшно всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ одной двери, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли кого за ней, подошелъ къ другой, произвелъ и здѣсь ту же ревизію, — и только тогда, нѣсколько успокоившись, возвратился за столъ и сказалъ женѣ глухимъ голосомъ: «душа моя! мы не должны называть имени этого человѣка; если бы въ газетахъ было напечатано, что разверзлась земля и поглотила ея, мы должны бы сказать: что разверзлась земля и поглотила нѣкотораго человѣка, — только, а не имя рекъ.» — «Отчего же?» спросила съ изумленіемъ испуганная жена. «От-

того, душа моя, отвѣчалъ ех-профессоръ, — что времена такія... у насъ есть прислуга... Услышать фамилію, пойдуть болтать...» «Но вѣдь ты невиновать ни въ чемъ!» — возразила-было супруга. Но ех-профессоръ былъ, очевидно, менѣе ея довѣрчивъ въ этомъ случаѣ. «Невиновать, — отвѣчалъ онъ, — конечно, но прежде, чѣмъ узнать, что я невиновать, придется, пожалуй, *посидѣть*».

Я человѣкъ отъ природы характера самаго робкаго. Когда настаеетъ общественная паника, я начинаю трусить едва-ли не болѣе всѣхъ. Чувство трусости есть самое скверное чувство; это я имѣлъ случай испытать много разъ въ моей жизни. Но если природа наградила кого-нибудь этимъ чувствомъ, то съ нимъ ничего не подѣлаешь. Остается одно: быть вѣчно на сторожѣ противъ разныхъ невзгодъ и принимать во время благопотребныхъ мѣръ. Такъ и веду себя я.

Еще съ 1862 г. убѣжденный И. С. Тургеневымъ я порѣшилъ, что въ наше время всякая связь съ молодымъ поколѣніемъ опасна, и поставилъ себѣ въ священный долгъ не только не заводить вновь знакомствъ съ людьми, недостижими по крайней мѣрѣ *тридцати-пятилѣтняго* возраста, но раззнакомиться и прекратить всякія сношенія даже и съ тѣми изъ старыхъ знакомыхъ, которые моложе этихъ лѣтъ. Это рѣшеніе исполняю я твердо и неуклонно. Сколько ни просятъ меня разные мои теперешніе почтенные и уважаемые мною знакомые, имѣющіе по 50 и болѣе лѣтъ отроду, чтобы я позволилъ имъ ввести въ мой домъ ихъ племянниковъ, внучковъ и другихъ молодыхъ людей, аттестуя ихъ какъ людей меня уважающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достойныхъ и благонамѣренныхъ, — я отвѣчаю постоянно всѣмъ одно и то же: «не могу; времена теперь не такія». Что касается до особъ женскаго пола, то я положилъ допускать въ мой домъ: дѣвицъ и замужнихъ женщинъ не ранѣе 30-ти лѣтняго возраста, если только онѣ не стригутъ своихъ волосъ и если моими почтенными знакомыми будетъ удостовѣрено, что онѣ не заражены ядомъ нигилизма; если же стригутъ волосы, то, при должномъ ручательствѣ въ ихъ благонадежности, таковыя допускаются не ранѣе 40 лѣтъ отроду.

Далѣе, не имѣя за собою ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго, проживая на маленькія средства, я рѣшился чуть не половину зарабатываемаго мною дохода употреблять на то, чтобы нанять приличную квартиру съ швейцаромъ. Дорогая квартира лежитъ тяжелымъ бременемъ на моемъ маленькомъ хозяйствѣ и стѣсняетъ меня на каждомъ шагѣ: у меня нѣтъ порядочнаго стула, на которомъ можно бы было сѣсть вполне безопасно, я отказываю себѣ иногда въ необходимой для моего здоровья рюмкѣ вина, мой туалетъ не лучше туалета нѣмецкаго бурша, но за всѣ эти лишенія меня утѣшаетъ мысль, что у меня есть швейцаръ. Швейцаръ — великое дѣло въ нашей жизни. Мимо

его не пройдет ни одинъ изъ идущихъ въ мою квартиру. Но мнѣ нравится особенно то, что Богъ одарилъ моего швейцара значительною дозою проникательности, любопытства, памяти, и что эти качества сохранились въ немъ во всей силѣ, несмотря на его преклонныя лѣта. Онъ знаетъ не только имена, званія, занятія, но даже мѣста жительства всѣхъ моихъ знакомыхъ. Я такъ доволенъ этимъ, что иногда доставляю себѣ особенное удовольствіе слегка поэкзаменоватъ его: твердо ли онъ всѣхъ знаетъ, не позабываетъ ли, не перепутываетъ ли. Вотъ иду я домой съ обычной прогулки моей послѣ обѣда: швейцаръ открываетъ мнѣ дверь и обыкновенно старается ради любезности сказать мнѣ что нибудь: «а что погода, кажется, все не поправляется», начинается онъ. «Да, — отвѣчаю я. А былъ кто нибудь безъ меня?» «Была, — какъ ее, — не вспомню вдругъ имени, — редакторша (такъ называетъ онъ сочинительницъ), что живетъ на Невскомъ въ домѣ такомъ-то». Или: «былъ старичокъ сочинитель, который къ вамъ ходитъ, небольшого роста, у котораго жена такая-то (начинается описание жены); живетъ на Лиговкѣ». «А!» говорю я улыбаясь и весело поднимаюсь вверхъ въ свою квартиру. Но еще болѣе мнѣ нравится то, что швейцаръ мой находится въ самой тѣсной дружбѣ съ нашимъ околочнымъ. Послѣдній то и дѣло торчитъ около него у подъѣзда или они распиваютъ вмѣстѣ чай въ каморкѣ швейцара. «Вѣдь о чемъ нибудь разговариваютъ же они», думаю я про себя: «проводя цѣлый день вмѣстѣ? О чемъ же они разговариваютъ? Конечно, о жильцахъ, которые живутъ въ домѣ, о знакомыхъ, которые къ нимъ ходятъ, о томъ, кто эти знакомые и проч. Однимъ словомъ, околочный знаетъ все то, что знаетъ и швейцаръ», заключаю я и потираю себѣ руки отъ удовольствія. «Никто, значить», продолжаю я думать: «не можетъ заподозрить меня въ знакомствѣ и сношеніяхъ съ людьми неблагонамѣренными; справка на лицо; жизнь моя какъ на ладони?» Но какъ ни завидно положеніе мое въ сравненіи съ другими, прихотямъ смертнаго, какъ извѣстно, вѣтъ предѣловъ... Я желалъ бы, чтобы не только по наружности, но даже внутри моего жилища постоянно присутствовалъ какой нибудь любопытный консерваторъ, который наблюдалъ бы за каждымъ моимъ шагомъ и движеніемъ, выслушивалъ каждое мое слово. До того я невиненъ, что могъ бы, кажется, предстать во всякое время и всюду...

Казалось бы, мнѣ ли не быть спокойнымъ, что бы ни происходило въ общественной жизни. И, однакожь, когда наплывается общая паника, я впадаю въ смущеніе, если не больше, то ни чуть не меньше всѣхъ другихъ. Голова начинаетъ горѣть, начинаютъ шевелиться и бродить разныя сверныя мысли, такъ что ни о чемъ думать невозможно; въ головѣ то и дѣло вертится вопросъ: «да невиненъ ли ты дѣйствительно? Не воображается ли только тебѣ, что ты невиненъ?» И вотъ я самоуглубляюсь, и подвергаю себя самому строгому само-

испытанію. Я начинаю съ того, что припоминаю всѣхъ заподозрѣнныхъ «Московскими Вѣдомостями» лицъ, и спрашиваю себя: «не былъ ли ты знакомъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ даже когда-нибудь? Не знаешь ли ихъ? Не встрѣчалъ ли ихъ гдѣ-нибудь?» По тщательномъ возобновленіи въ памяти всего прошедшаго, на всѣ такіе вопросы получается отвѣтъ рѣшительно отрицательный. Удостоверившись, что съ этой стороны *твердо*, я перехожу къ испытанію себя въ отношеніи переписки: «не писалъ ли ты кому-нибудь когда-нибудь писемъ съ *вольнымъ дугомъ*, или съ неопредѣленными намеками, которые каждый можетъ растолковать по своему, не раздавалъ ли и не продавалъ ли своихъ карточекъ?» И съ наслажденіемъ снова удостоверяюсь, что и съ этой стороны *твердо*. Съ ранней молодости моей я отличался отвращеніемъ къ перепискѣ. Писать письмо было для меня такимъ же мученіемъ, какъ дѣлать визитъ. Съ самыми лучшими друзьями я могъ хранить упорное молчаніе въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, если не представлялось настоятельной необходимости написать по дѣлу, точно такъ же я могъ не посѣщать по цѣлымъ годамъ лицъ для меня самыхъ дорогихъ безъ крайней какой-нибудь нужды. Это много причинило мнѣ огорченій, и стоило многихъ потерь въ жизни; ибо только немногіе, очень близко знавшіе меня друзья мои понимали, что это не что-нибудь преднамѣренное, а таково свойство моей натуры. Было когда-то время, что я самъ огорчался своею неподвижностію, и повременамъ даже предпринималъ твердое намѣреніе исправиться, но этого твердаго намѣренія никогда не хватало и на недѣлю. Теперь только я опытно понимаю, что это свойство, причинявшее мнѣ столько огорченій въ жизни, вовсе недурное свойство, что многіе, напротивъ, у которыхъ руки такъ же слабы на воздержаніе отъ ненужнаго письма, какъ слабъ языкъ на словоизверженіе, должны сильно завидовать мнѣ.

Затѣмъ я обратился къ испытанію себя въ самомъ najważнѣйшемъ моментѣ человѣческихъ грѣхопаденій, въ устномъ словоизверженіи, но здѣсь почувствовалъ себя еще легче. «Языкъ мой — врагъ мой», говоритъ пословица. Я бы могъ сказать: «Языкъ мой — другъ мой». Несмотря на мою словоохотливость и веселость, въ жизни моей мнѣ случалось терпѣть непріятности отъ промаховъ умолчанія, но никогда отъ словесной распушенности. Всю важность этого качества, которому я прежде не давалъ никакой цѣны, я понялъ только въ послѣднее десятилѣтіе. Трудно представить себѣ общество, гдѣ бы болѣзнь языконенствования была такъ сильно развита, и похищала столько жертвъ, какъ у насъ. Цѣлые политическіе процессы у насъ велись и ведутся изъ-за словоизверженій, — и сколько погибло отъ этого силъ! Есть люди, которые не могутъ хранить въ себѣ ни одной зародившейся въ ихъ головѣ мысли, ни одного извѣстія, услышаннаго отъ другихъ. Пока они не опорочатся,

то-есть не разскажутъ того, что у нихъ имѣется, по крайней-мѣрѣ, пяти человѣкамъ, каждому особо, они не могутъ быть спокойны. Даже когда они, повидимому, твердо рѣшаются не говорить чего-нибудь другимъ, вообще сохранить тайну, они не могутъ этого сдѣлать. Ихъ лицевыя мускулы и нервы, ихъ тѣлодвиженія измѣняютъ имъ. Сейчасъ видно, что ихъ что-то претъ изнутри, и требуетъ немедленнаго опорожненія. Ужасное несчастье!

Оставалось еще испытать себя относительно грѣхопаденій по части литературы. Но, вступая въ эту область, я чувствовалъ подъ своими ногами уже твердую почву. Впервыхъ, литература — дѣло публичное, совершаемое открыто передъ всѣми; вовторыхъ, за нею слѣдятъ столько официальныхъ надзирателей, и столько литературныхъ любопытныхъ консерваторовъ, что въ ней невозможно совершить преступленія, еслибы и хотѣлъ; втретьихъ, для преступленій литературныхъ существуетъ особый слѣдственный и судебный процессъ, отъ котораго никогда не отступаютъ, да и отступить трудно, ибо литература — дѣло тонкое, и преступленіе ея можетъ понимать только спеціалистъ.

Получивъ изъ самаго строгаго самоиспытанія такіе блестящіе результаты, я сдѣлался такъ доволенъ, что готовъ былъ прыгнуть отъ радости. Во мнѣ явилась потребность немедленно излиться въ благодарныхъ чувствахъ.

Въ это время вошла въ мой кабинетъ подруга моей жизни и, увидѣвъ меня, какимъ не видала уже много дней, веселымъ и беззаботнымъ, спросила:

— Что съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ я. — А знаешь что, сегодня погода отличная. Не провайтись ли намъ? Кстати, заѣхали бы въ канзанскій соборъ, помолились.

— Что это значить?

— Да ничего, отвѣчалъ я. — Давненько ужъ не были мы у Чудотворной.

— Гм! однакожъ, почему именно сегодня напала на тебя страсть къ богомолью? А у меня тоже есть дѣло къ тебѣ. Ты знаешь, сегодня назначены дебаты объ обществѣ распространенія женскаго образованія, и ты непременно долженъ ѣхать со мною.

Меня немножко передернуло при этихъ словахъ.

— Знаешь, что, началъ я. — Теперь не такія обстоятельства, чтобы думать объ основаніи обществъ. Да и сказать ли тебѣ правду, я мало вижу толку въ этихъ обществахъ. Они, мнѣ кажется, убиваютъ только и подѣдаютъ частную инициативу людей богатыхъ. Вѣдь вонъ Пибоди — посмотри, какъ дѣйствовалъ. Дастъ тутъ милліонъ долларовъ, въ другомъ мѣстѣ два, въ третьемъ три, — смотришь, въ одномъ мѣстѣ точно по щучьему велѣнію университетъ выросъ, въ другомъ огромное благотворительное учрежденіе, въ третьемъ... А будь общества,

оцъ, пожалуй бы, и вниманія не обратилъ. Дескать, есть кому пешичь. Такъ и у насъ. Не будь вашего общества, можетъ, нынѣ же на женское образованіе далъ бы Кокоревъ милйонъ, Угнинъ — другой, Бернардаки — третій, Поляковъ—четвертый. Я называю этихъ богачей только къ примѣру, — а мало ли у насъ такихъ. А учредите вы общество, они скажутъ: теперь есть кому, и помимо насъ, думать о женскомъ образованіи.

— Однакожь, до сихъ поръ вѣдь никто ничего не далъ? возразила моя подруга.

— Конечно, не далъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не могли дать. А какъ заведете общество, такъ навѣрно ужъ не дадутъ.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала, отвѣчала она:—а ты все-таки со мною поѣдешь.

«Вотъ тебѣ и поцалъ», подумалъ я, отправляясь въ свой кабинетъ. «Что тутъ будешь дѣлать? Отказаться—нѣтъ никакой возможности. Заѣдутъ, со свѣта сживутъ женщины. Ъхать въ собраніе? Но вѣдь тамъ вѣрно челоувѣкъ 20, пожалуй, 30 будетъ. Ужъ самый фактъ подобныхъ собраній есть вещь незаконная. А тамъ разнесется молва, что былъ въ собраніи, слѣдовательно, разсуждалъ... затѣвалъ нѣчто, положимъ, законное, но... слѣдовательно, все-таки челоувѣкъ нѣкоторымъ образомъ недовольный, протестующій. И зачѣмъ это они у насъ женское образованіе какое-то выдумываютъ? тутъ надобно бы и мужинъ-то разучить, чтобы не высокоумствовали!»

Просто досада меня взяла; веселаго расположенія духа какъ не бывало. Въ это время, на бѣду мою, какъ разъ шастъ въ двери Федя Горошковъ.

Федя Горошковъ мужина лѣтъ 45-ти, неуужой, длинный, какъ верста, желчный, ничего не дѣлающій, но увѣряющій всѣхъ, что онъ по горло заваденъ работою и не знаетъ отдыха. Съ утра до вечера онъ проводитъ время въ томъ, что собираетъ разнообразныя городскія сплетни, преимущественно имѣющія политической отгѣпокъ, разрабатываетъ ихъ по своему вкусу и въ украшенномъ и дополненномъ видѣ разноситъ по своимъ знакомымъ подъ названіемъ новостей. Такъ-какъ онъ темперамента меланхолическаго, то подборъ повостей дѣлаетъ обыкновенно въ печальномъ родѣ. Если вы находитесь въ веселомъ настроеніи духа, онъ своею бесѣдою непременно пагошитъ на васъ тоску и скуку; если же вы и безъ того не веселы, тогда боже васъ упаси отъ бесѣды съ нимъ. Въ прежнія времена, находясь въ такомъ почтенномъ возрастѣ, Федя Горошковъ давно, конечно, понялъ бы, что онъ не болѣе, какъ сплетникъ, но въ наше прогрессивное время онъ остается въ томъ убѣжденіи, что носитъ въ душѣ своей Weltschmerz и почитаетъ себя политическимъ дѣятелемъ.

— Слышали вы новости? спрашивалъ Федя Горошковъ, вваливаясь въ мой кабинетъ.

— Какія новости? говорю я.

— Аресты, батюшка, аресты, да вѣдь какіе аресты! Ужъ ты-сячи три человекъ взято!

— Полно вамъ вздоръ говорить. Арестовано какихъ-нибудь человекъ десять, много пятнадцать, а вы валите цѣлыя тысячи! Да и какое намъ дѣло до этихъ арестовъ?

— Вамъ-то какое дѣло?.. Какъ?.. Вы, литераторъ, и вамъ нѣтъ дѣла! Ну, нѣтъ, вы этого не говорите. Я вамъ исторіей докажу...

— Какой вы мнѣ это исторіей докажете? говорилъ я, чувствуя справедливость его словъ и внутренно трусая, но храбрясь. — Исторіей, конечно, реакцій?

— Та, та, та, продолжалъ безжалостный Федя Горошковъ, не примѣчая моего смущенія: — положимъ, что и исторіей реакцій. А какъ вы узнаете, что такое теперь у насъ: прогрессъ или реакція?

— Ужъ, конечно, не реакція, пробормоталъ я.

— Гм! нѣтъ, началъ снова Федя Горошковъ. — А слышали вы, что Бѣлоголоваго арестовали?

— Вотъ вздоръ, отвѣчалъ я. — Я вчера видѣлъ Бѣлоголоваго.

— Ну, да, вчера вы видѣли, а сегодня въ ночь взяли; — и всѣхъ студентовъ, исключенныхъ по исторіи Полунина, взяли, и самого даже Полунина взяли.

— Полунина-то зачѣмъ же? спросилъ я, невольно улыбаясь.

— А для полноты свѣдѣній, отвѣчалъ не запинаясь Федя Горошковъ. — А слышали вы, началъ онъ снова..

Вѣстей, въ родѣ представленныхъ мною, Федя Горошковъ насказалъ мнѣ съ три короба, и прощаясь, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: «нѣтъ, вы будьте поосторожнѣе, пообщитесь; неровень случай». Все, что говорилъ Федя Горошковъ, было или просто нелѣпо, или невѣроятно, или сомнительно; разсужденія и соображенія его были глупы, но когда человекъ находится подъ вліяніемъ паники, его легковѣрѣе быстро возрастаетъ и всегда въ обратномъ отношеніи къ здравому смыслу. Онъ дѣлается способенъ скорѣе повѣрить вещи самъ, нелѣпой, нежели тому, что естественно и очевидно. Тагъ было и со мной. Я понималъ всю несостоятельность рѣчей Федей Горошкова, могъ доказать нелѣпость, невѣроятность или сомнительность каждой его сплетни, видѣлъ глупость его соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ невольно думалось: «А вѣдь почему нибудь говорятъ же? Кто жъ его знаетъ, что можетъ быть?» Въ ушахъ у меня постоянно звучали прощальныя слова Федей Горошкова: «Нѣтъ, вы будьте поосторожнѣе, пообщитесь; неровень случай». Сначала я старался отогнать ихъ отъ себя, но напрасно; они то и дѣло завладѣвали всѣми моими мыслями, такъ что я сталъ привыкать къ нимъ, вдумываться въ нихъ и наконецъ порѣшилъ: «почему же я не самообискаюсь? Самообисканіе есть вѣдь толь-

во исполнение самоиспытания, и исполнение нѣкоторымъ образомъ даже необходимое».

Но здѣсь мнѣ предстоялъ трудный подвигъ. Мнѣ не хотѣлось о своемъ намѣреніи самообсысканія говорить женѣ. Потому что какъ хотите, неловко какъ-то сказать женѣ или кому бы ни было, что я хочу обыскивать самъ себя, или, что то же, хочу самъ обыскивать свою квартиру. А между тѣмъ самообсысканіе нужнѣе было скорѣе всего для моей жены, чѣмъ для меня. Меня мало вообще интересовали разныя запрещенныя политическія рѣдкости, а она была равнодушна и къ сочиненіямъ заграничной печати, и къ карточкамъ великихъ, но запрещенныхъ людей.

Жена моя прекрасная, цѣльная натура. Въ ней нѣтъ того раздвоенія, къ которому мы привыкаемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Она не раздѣляетъ мысли отъ слова, слова отъ дѣла; что она разъ признала честнымъ и хорошимъ, отъ того никогда не отречется, даже притворно, напротивъ, будетъ отстаивать всѣми силами вездѣ и всегда. Для истины, всякая аккомодация къ существующему положенію дѣла, по ея убѣжденію, унизительна и преступна. Чѣмъ *пламеннѣе* дѣлается натискъ на то, что она привыкла считать честнымъ и хорошимъ, тѣмъ *суровѣе* даетъ она отпоръ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства. Это качество я глубоко цѣню и уважаю въ ней. Но читатель, знающій наши общественныя отношенія, согласится, что бывають случаи, когда означенное качество можетъ причинять большія безпокойства.

Когда я вошелъ въ кабинетъ своей жены, она сидѣла и читала Мизераблей В. Гюго.

— Что ты читаешь? спросилъ я, будто не замѣчая. Она назвала книгу.

— Старенько, сказалъ я.— Да и талантъ В. Гюго давно уже понзносился. Нынѣ и у насъ можно найдти много кой-чего гораздо поновѣе и поталантливѣе.

— Что же, напримѣръ? спросила она.

— Да мало ли что? Напримѣръ: «Идіотъ» г. Достоевскаго. Она сдѣлала гримасу. «Преступленіе и наказаніе» его же, продолжалъ я съ прежнею храбростію. Нѣкоторые критики очень хвалили этотъ романъ именно за картинность, которою только и беретъ В. Гюго». Она поморщилась. «А то вотъ, снова началъ я: — послѣднія сочиненія нашего романиста И. С. Тургенева: «Собака», «Лейтенантъ Ер...». Въ это время я взглянулъ на мою супругу и не кончилъ слова. Ея глаза обращены были на меня съ тапкмъ укоромъ, что мнѣ стало совѣстно продолжать. — «Ну да, началъ я:—я вѣдь говорю только это къ примѣру, называю первое, что мнѣ приходитъ на память. Мало ли что у насъ есть хорошаго? Во всякомъ случаѣ, что тебѣ за охота читать эти размазанныя, растянутыя, надобѣвшія всѣмъ описанія нищеты, вѣчныя нападки на богатыхъ...»

— А тебѣ хотѣлось бы, возразила моя супруга: — чтобы я читала нападенія на бѣдныхъ за то, что они притѣсняютъ богатыхъ?

Я замолчалъ. «Съ какой стати», думалъ я въ это время про себя: «привыкся я къ этимъ Мизераблямъ. Пусть ее читаетъ ихъ на здоровье, если хочетъ!»

— Впрочемъ, это вѣдь я такъ, началъ я: — только между прочимъ и изъ патриотизма обращаю твое вниманіе на недостатки В. Гюго. А у него есть, конечно, много и достоинствъ, и если онъ тебѣ приходится по сердцу, отчего же его и не читать? А это что у тебя валяется? сказалъ я, взявъ одну изъ лежащихъ на столѣ книгъ, на которую давно уже были устремлены мои очи. — Ба! заграничный историческій сборникъ. Ну, объ этомъ нельзя сказать того же, что о Гюго. Это можно совсѣмъ не читать безъ всякой потери!

— Это почему? — спрашивала моя супруга, смотря на меня во всѣ глаза.

— Да потому, отвѣчалъ я: — что... что-жъ это такое? Не-то романъ, не-то исторія. Иные акты, конечно, встрѣчаются и любопытные, но они ничѣмъ не удостовѣрены; что же толку въ томъ, что ты ихъ будешь знать?

— А какіе же акты удостовѣрены?

— Да всѣ, отвѣчалъ я: — которые издаются не за границей, а у насъ дома. Здѣсь издается все на основаніи подлинныхъ, несомнѣнныхъ документовъ; еслибы относительно чего возникло сомнѣніе, можно сейчасъ печатно возбудить вопросъ, завести споръ и дѣло тотчасъ выяснится. Мнѣ жаль, прибавилъ я: — что читая историческіе акты, издаваемые за границей, ты не заглянешь никогда въ тѣ, которые издаются здѣсь. Есть, которые далеко будутъ полюбопытнѣе тамошнихъ, — а на счетъ подлинности не можетъ быть и тѣни сомнѣнія.

— Какіе же это, напримѣръ?

— Да вотъ всѣ, которые печатаются въ «Архивѣ» Бартенева. Съ нынѣшняго года выходитъ еще одно такое изданіе Семейскаго. Архивъ я имѣю уже, а Семейскаго, если хочешь, также выпишу. Оба гораздо любопытнѣе «Историческаго сборника». Впрочемъ, ты «Историческій Сборникъ» вѣроятно давно уже прочла. Не хочешь ли — я пойду прогуливаться и отнесу его. У кого ты его брала?

— А знаешь, что я тебѣ скажу, сказала жена, пристально смотря мнѣ въ глаза: — тебѣ въ душѣ должно быть очень стыдно!

— Отчего же? я... только такъ, къ слову, бормоталъ я, конфузясь.

— Признайся, продолжала она: — что ты меня обыскиваешь, и поставленъ въ необходимость говорить разную дичь. Отчего не сказать было прямо, что ты немножко трусишь и же-

далъ бы, чтобы я очистила свою квартиру отъ нѣкоторыхъ книгъ и карточекъ, которыя могутъ компрометировать.

— Ну да... быть осторожнымъ — вещь, конечно, лишняя, — говорилъ я съ смущеніемъ: — но я вовсе не думалъ... ты говоришь пустяки..

— Перестань... теперь я все понимаю, и всѣ негодныя книги удалю. А карточки какія тебѣ не нравятся?

— Карточки твои всѣ хороши, говорилъ я, пересматривая ея альбомъ: — только вотъ, мнѣ кажется, напрасно поставила ты въ первую голову Фурье, Луи-Блана, Прудона. Они, конечно, люди съ талантами, но основательности въ нихъ не особенно много. Это не то, что Вэконъ, Кепплеръ, Ньютонъ...

— Ты, пожалуйста, перестань объ основательности. Не нравятся тебѣ, — и я выброшу ихъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же выбрасывать... Они во всякомъ случаѣ свѣтила, но ты только поставь ихъ подальше. Да кромѣ того у тебя коллекція замѣчательныхъ лицъ неполна, да и альбомъ съ пустыми мѣстами смотреть какъ-то некрасиво. Не хочешь ли я дамъ тебѣ — для пополненія нашу іерархію?

— Какую это іерархію?

— Да карточки нашихъ преосвященныхъ.

— Это зачѣмъ? Ты, пожалуйста, не прислуживайся. Уничтожать можетъ, что хочешь, а пополнять тебѣ мой альбомъ не позволю. Можешь свой завести и помѣщать тамъ кого хочешь.

— Ну, гдѣ-жъ мнѣ возиться съ альбомомъ. Я и тебѣ посоветовалъ такъ, ради полноты твоего альбома.

— Не нужно совѣтовъ. А что ты желаешь, будетъ исполнено въ точности: не будетъ ни одной карточки съ лицомъ неодобрительнаго политическаго поведения и ни одной книги съ мыслями брасноты незаконной. Иди и будь спокоенъ.

Совершивъ тяжелейшій подвигъ объясненія съ женою, я пошелъ въ кабинетъ, чтобы совершить процессъ самообисканія надъ собою. Я заглянулъ въ свои книжные шкапы, въ ящики письменнаго стола, въ диванные ящики, въ особые сундуки, назначенные исключительно для бумагъ — вездѣ были груды, такъ что еслибы собрать все вмѣстѣ, образовался бы навѣрное большой возъ. Для основательнаго разбора этихъ бумагъ нѣсколько человекъ должны бы были убиты, по крайней мѣрѣ, мѣсяць времени. Бумажный этотъ хламъ копился у меня въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ. Въ немъ было все — и цѣлыя статьи разныхъ сочинителей, предназначавшіяся къ печати и оказавшіяся неудобными для печатанія, и безчисленные черновые листы напечатанныхъ сочиненій, разбитые по страницамъ и перемѣшанные вмѣстѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ сочиненій, и разные счета, и безчисленное множество писемъ, писанныхъ въ теченіе 10-ти лѣтъ на пмя разныхъ редакцій — все это въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ никогда не разбиралось: при переѣздахъ съ квартиры на квартиру, на дачи и съ дачи

складывалось охапками въ простыни и изъ простынь такимъ же образомъ перекладывалось снова, куда попало. Можно представить себѣ, какой хаосъ господствовалъ въ этомъ хламѣ! Что было съ нимъ дѣлать? Сжечь? Но какъ сжечь, безъ разбору? Среди хлама могли завалиться бумаги забытыя и ненужныя, но которыя потомъ, по востребованію, могутъ оказаться весьма нужными. Разбирать все это? Но разбирать нужно самому и тщательно, а для этого пришлось бы просидѣть за ними мѣсяца три. Наконецъ, еслибы на все махнуть рукой, рѣшиться сжечь все безъ разбора и начать жечь, то такимъ ауто-дафе можно поставить на ноги всю прислугу, возбудить подозрѣніе, что жжешь нѣчто преступное. И кто поручится, что можетъ изъ этого выйдти? Я, перекрестясь, рѣшился на волю Божию оставить хламъ, какъ онъ былъ. Но мнѣ хотѣлось полюбопытствовать хотя немножко, что въ немъ есть и, такъ сказать, предвосхитить впечатлѣніе того, кому пришлось бы разбирать его. Я подошелъ къ одной маленькой кучѣ, лежавшей внизу книжнаго шкапа, вынулъ нѣсколько ненапечатанныхъ старыхъ сочиненій, пукъ всевозможнаго венигрета изъ разныхъ отрывочныхъ листовъ, счетовъ, писемъ; — перекинулъ въ послѣднемъ нѣсколько листовъ, счетовъ, писемъ и вдругъ, о ужасъ, нахожу слѣдующую записку:

«Приходите сегодня въ квартиру ул. д. № въ 9 часовъ вечера, здѣсь соберется тѣсный кружокъ людей, посвященный въ тайну, для совѣта по извѣстному вамъ дѣлу».

«Васъ ждутъ

«Извѣстные вамъ».

На запискѣ не было никакой даты. Бумага и чернила сохранились такъ, какъ будто писаны были назадъ тому не болѣе одного, двухъ мѣсяцевъ. Прочитавъ эту записку, я обомлѣлъ отъ ужаса. Рука незнакомая. Когда и кѣмъ могла быть писана подобная записка? Я началъ припоминать, думалъ, думалъ, но напрасно ломалъ голову; ничего не могъ придумать. Боже! ужъ не подброшена ли мнѣ кѣмъ-нибудь изъ любопытныхъ консерваторовъ такая записка... Мена обдало холодомъ при этой мысли. Однакожь, поразмысливъ немножко, я призналъ всю невѣроятность, нелѣпость подобнаго предположенія. Въ это время, все продолжая раздумывать о запискѣ, я машинально протянулъ руку къ слѣдующей бумагѣ, лежавшей въ кучкѣ подъ запискою, и на вынутомъ мною листѣ прочелъ списокъ лицъ. Тогда для меня все объяснилось. Этотъ списокъ заключалъ въ себѣ имена лицъ, намѣревавшихся издавать газету на паякъ назадъ тому 10 лѣтъ. Предпріятіе это не осуществилось. Но собраній по нему было много; между прочими, были и притимныя собранія челоуѣкъ 6 или 7, изъ лицъ, руководившихъ дѣломъ, которыя собирались предварительно для того, чтобъ условиться между собою, что поддерживать въ общемъ собраніи. Записка написана была

тайнственно въ шутку, изъ школьничества. Чтò, еслибы эта записка, думалъ я, попала! кто бы повѣрилъ такому простому объясненію дѣла? Вѣдь по ней можно подумать, Богъ знаетъ, о какомъ кружкѣ. Я, разумѣется, немедленно сжегъ эту записку. Но могъ ли я ручаться, что подобныхъ записокъ нѣтъ еще въ моемъ безконечномъ хламѣ? А между тѣмъ дѣлать съ нимъ, какъ я уже сказала, было нечего. Волей-неволей надобно было махнуть рукой.

Кромѣ хлама у меня было пачки три бумагъ, дѣйствительно дорогихъ для меня. Это были письма моего покойнаго отца, письма разныхъ близкихъ ко мнѣ, накопившіяся въ теченіе не одного десятка лѣтъ, наброски мыслей, которыя я дѣлалъ по разнымъ случаямъ, замѣтки и т. п. Бумаги эти лежали отдѣльно отъ всѣхъ другихъ въ особомъ помѣщеніи конторки. Чтò дѣлать съ ними? думалъ я. Жечь ихъ я не желалъ бы никоимъ образомъ. Онѣ были слишкомъ дороги для меня по воспоминаніямъ. Но въ случаѣ крайности, я охотнѣе рѣшился бы сжечь, нежели отдать ихъ въ постороннія руки. И это не потому, чтобъ въ этихъ бумагахъ было что-нибудь преступное, чтобъ онѣ могли компрометировать меня; ничего подобнаго, ни малѣйшаго прикосновенія къ политической сферѣ въ нихъ не было. Но эти бумаги были нѣкоторымъ образомъ ключемъ ко мнѣ самому; онѣ вводили въ міръ моей души, давали возможность слѣдить за настроеніемъ моей мысли, угадывать мои симпатіи и антипатіи, изучать характеръ моихъ отношеній къ людямъ и т. п. А мнѣ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь влѣзалъ въ мою душу. Куда дѣваться съ этими бумагами? думалъ я, гдѣ скрыть? Я припоминалъ имена безчисленныхъ моихъ знакомыхъ. Много изъ нихъ было, конечно, такихъ, у которыхъ я могъ надежно схоронить мои драгоценности. Но какъ было обратиться къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ? Сказать имъ, что я чего-то боюсь, значило бы нѣкоторымъ образомъ уже скомпрометировать себя въ ихъ глазахъ. Долго я думалъ, гдѣ бы могъ скрыть мои сокровища, наконецъ меня озарила блестящая мысль.

При одной изъ петербургскихъ церквей, въ званіи просвирни, процвѣтала моя двоюродная тетушка Марья Осиповна Самопалова. Мы видались съ тетушкой очень рѣдко, не болѣе шести, семи разъ въ годъ, но это не мѣшало намъ взаимно любить и уважать другъ друга. Тетушка была женщина добрейшая и съ такимъ природнымъ свѣтлымъ умомъ, что хотя и не получила никакого воспитанія, но догадкой доходила до пониманія многого такого, чтò остается подчасъ непонятнымъ самымъ развитымъ женщинамъ.

— Время нынѣ стало бойкое противу прежняго, говорила она мнѣ. — Все вездѣ разбирають, все вритикують. Видно, что свѣту въ міру, противу прежняго, гораздо прибыло. Только жить отъ этого не легче стало. Лбомъ стѣны не прошибешь.

Свѣтъ понадаеть въ немногія головы и темноты, попрежнему, все видимо-невидимо. Свѣтлячки бѣдныя и гибнуть напрасно.

— Чтò? Дали трепку! Поприжете теперъ хвостъ-то! говорила мнѣ тетушка вскорѣ послѣ одной бури, многихъ потревожившей. — Али не уймется? Будете строчить по прежнему?

— Вы знаете народную примѣту, тетушка, отвѣчала я пуга: — что кто разъ началъ стронуться, тотъ будетъ стронуться до гробовой доеки; — такъ и тотъ, кто началъ разъ писать, не перестанеть до конца жизни. Да и чего намъ бояться? Развѣ мы худое что дѣлаемъ?

— Колѣ худое, но что ты сдѣлаешь, когда люди не прозрѣли еще на столько, чтобы отличить хлѣбъ отъ мякны?

— Такъ чтожъ вы думаете, тетушка, бросить писать?

— Зачѣмъ бросать? Всякій пусть дѣлаеть что можетъ и умѣеть. А иначе міръ не будетъ стоять. Я вотъ не бросаю же просвиры печь.

— Да вамъ хорошо просвиры печь, когда васъ никто за это не трогаеть.

— А ты посмотри-ка по своимъ книгамъ, отвѣчала мнѣ тетушка: — такъ и увидишь, что было время, когда просвиры печь было опаснѣе, чѣмъ писать книги. Однако просвиры не бросали своего дѣла и пекли просвиры.

— Такъ что же?

— Ну, пишите и вы, — не боясь опасностей за чистое дѣло, — и достигнете того, что современемъ и вамъ такъ же вольготно будетъ, какъ теперъ просвирамъ.

Такова моя тетушка.

Связавъ въ узелокъ драгоцѣнныя мнѣ бумаги, я отправился къ ней, въ твердой увѣренности, что нигдѣ безопаснѣе нельзя скоронить ихъ на время, ибо никакія политическія бури не могутъ достигнуть до мирнаго жилища никому неизвѣстной просвиры. Тетушка только что управилась, какъ она говорила, съ печью, т.-е. вынула просвиры и сидѣла за чаемъ.

— Вотъ неожиданный гость! привѣтствовала меня она, едва я вошелъ въ комнату. — Не даромъ у меня сегодня цѣлое утро все искры изъ печки выскакивали. Какими вѣтрами занесло?

— Чтò-жъ? Аль нынѣ пути къ вамъ заказаны, что можно попадать только съ попутными вѣтрами? шутила я.

— Какое заказаны, — всегда рады гостямъ, да гости вы свѣсивые; къ такой мелюзгѣ, какъ мы, пеловадно жалуете. Чтò это за кулечекъ привезъ? спросила она, указывая на сакъ-воважъ съ моими драгоцѣнностями.

— Это, говорю, кой-какія мои бумаги, которыя я счелъ за лучшее на нѣкоторое время положить къ вамъ.

— Чтò, вѣрно, опять трепка? сказала тетушка, улыбаясь. — Слышала ужъ я. На дняхъ дьяконица разсказывала, что какой-то ея знакомый изъ кутейниковъ попался.

— За чтò же? спросилъ я.

— А за то, что не постригшись въ попы, началъ обѣдню служить.

— Это какъ?

— А такъ, умишку не набрался еще, въ университетѣ побылъ всего безъ году недѣлю, а началъ разныя турымы разводить о царствахъ и народахъ; болтать вездѣ, что и это не такъ, и то не такъ, и что мы, дескать, собираемся устроить все лучше.

— И что жь?

— Да жаль бѣднягу. Хорошо, если удастся отвертѣться однимъ сидѣньемъ, а то придется за такую болтовню дорого заплатить. У насъ, ты самъ знаешь, на этотъ счетъ строго, не такъ, какъ въ иностранныхъ земляхъ...

— А вы, тетушка, кажется, сами не прочь заняться устройствомъ царствъ, сказалъ я, шутя.

— Ахъ, ты крюкъ этакой, отвѣчала она, смѣясь: — что жь, доносить что ли пойдешь? Тогда у кого свой кулечекъ-то оставишь? Давай его сюда. Впши сколько настрочилъ. Чай, тоже все объ устройствѣ царствъ хлопочешь?

— А вы боитесь?

— Да что мнѣ бояться. Я не то, что людей, я и чертей не боюсь; каждая просвира съ крестомъ, — и они бѣгутъ отъ моего дома безъ оглядки.

Поболтавъ еще съ тетушкой около получаса, я отправился домой. На душѣ у меня стало опять легко и ясно. Теперь, думалъ я, и сталъ человекъ, какъ есть; самоиспытанъ, самообмытанъ. Все неприятное удалено. Положимъ, что у меня остались груды неизслѣдованныхъ старыхъ бумагъ. Да вѣдь не на всякій же, въ самомъ дѣлѣ, хламъ будутъ обращать вниманіе? Погода стояла отличная. Я съ жадностію глоталъ свѣжій воздухъ. Мысль становилась все яснѣе и бодрѣе. Я сталъ думать, что дѣло, которое причиняетъ мнѣ столько безпокойства, должно быть кабіе илбудь пустяки; что такимъ солиднымъ людямъ, какъ мнѣ, о подобныхъ пустякахъ и думать стыдно. Я сталъ разбирать вышеприведенныя догадки молвы, и мнѣ стало совѣстно, что я могъ хоть на минуту вѣрить подобному вздору. Домой я пріѣхалъ въ совершенно спокойномъ и веселомъ расположеніи духа. Жена выбѣжала ко мнѣ также вполне веселая и счастливая, и выткнувшись комически во фронтъ и приложивъ пальцы къ своему чепчику, отрапортовала, что теперь въ нашей квартирѣ обстоитъ все благополучно, нѣтъ ни одной зловредной книги, ни одной компрометирующей карточки.

Но блаженство мое продолжалось недолго. Едва я вошелъ въ мой кабинетъ, я увидѣлъ на столѣ цѣлый пукъ «Московскихъ Вѣдомостей». Я выписалъ ихъ нынѣ очень поздно и не получалъ въ теченіе болѣе недѣли послѣ новаго года, и очень скучалъ за ними. «Московскія Вѣдомости» составляютъ мое любимое чтеніе, потому что въ нихъ всегда есть иѣчто пріятное,

подзадоривающее, раздражающее. Въ случаяхъ же, когда онѣ захотятъ кому насолить, онѣ дѣлаются просто прелестны. Читая ихъ, иногда не вѣришь ни одному слову, которое написано, а между тѣмъ непримѣтно для себя самого увлекаешься, восторгаешься, чувствуешь, какъ пробиваетъ въ тебѣ шагъ за шагомъ чувство кровожадной, татарской свирѣпости, которое мудрая политика московскихъ князей вмѣстѣ съ монголами, соединенными усиліями, насаживала и воспитывала въ русскомъ народѣ и которое, благодаря этимъ усиліямъ, такъ глубоко утвердилось въ немъ, что не заглохло до сихъ поръ, несмотря на всѣ гуманныя помазанія и врачеванія послѣдняго времени. Прочитывая подобную статью, находишь себя вдругъ способнымъ повѣсить весь міръ ни за что, ни про что. Я съ жадностію бросился на лежавшія предо мною «Московскія Вѣдомости». Но пріемъ пріятностей на этотъ разъ былъ такъ силенъ, что черезъ полчаса меня била уже лихорадка.

Невѣроятныя вещи! Все, что я зналъ доселѣ о нечаевскомъ дѣлѣ—все становилось вверхъ дномъ! Всѣ мои самоиспытанія и самообсканія не вели ни къ чему. По увѣренію «Московскихъ Вѣдомостей», виновны вовсе не тѣ, которые виновны, а виновата на первомъ планѣ петербургская литература, вожаками которой въ злоумышленіяхъ представляются Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель. Я читалъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Возможно ли это? Возможно ли, чтобы эти почтенные граждане были конспираторами?

Еслибы г. Шелгуновъ, думалъ я, и захотѣлъ сдѣлаться петербургскимъ конспираторомъ, онъ не можетъ; онъ давно уже живетъ внѣ Петербурга, въ изгнаніи. Суворинъ... но нѣтъ, кому же изъ читающихъ его фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—можетъ придти на мысль заподозрить этого писателя въ политическихъ замыслахъ? — Наконецъ не есть ли попятнѣйшій абсурдъ самая мысль о томъ, что въ этихъ замыслахъ можетъ принимать участіе такой гражданинъ, какъ Генкель, вся дѣятельность котораго есть неумолкающее свидѣтельство о его благонамѣренности?

Такъ представлялось мнѣ дѣло съ одной стороны и я, повидному, вполне убѣждался, что «Московскія Вѣдомости» говорятъ вздоръ. Но немедленно рядъ успокоительныхъ мыслей вытѣснялся рядомъ другихъ совершенно противоположнаго свойства. «Шелгуновъ не живетъ въ Петербургѣ», думалъ я: «но развѣ онъ не можетъ пріѣзжать сюда подъ чужими именами и видами и конспирировать? Развѣ у насъ это такъ трудно? Развѣ не то же самое дѣлалъ Нецаевъ? Суворинъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ неблагонамѣренности. Да такъ ли? Не онъ ли написалъ: *Вскіе*, — сочиненіе, о которомъ г. прокуроръ судебной палаты Тизенгаузенъ, изучавшій это сочиненіе, какъ онъ самъ говоритъ, «съ полнымъ безпристрастіемъ, требуемымъ правдою, во имя которой творится судъ», выразился, что «оно,

ге представляя собою ничего полезного, можетъ только вносить смуту въ неопытные умы, возбуждая въ нихъ безотчетное раздраженіе противъ существующаго порядка вещей и столь же безотчетное стремленіе къ какому-то иному политическому и гражданскому строю». Не есть ли г. Суворинъ потаенный, хотя и приниженный «невинностію» Ильменевъ? Наконецъ и въ самомъ Генкель глазь наблюдательный не можетъ ли усмотрѣть нѣкотораго скептицизма относительно правъ литературной собственности, если приметъ во вниманіе недавнее упорное отстаиваніе имъ своего права на статью Марка Вовчка, безъ всякаго законнаго на то акта и не взирая на протестъ послѣдней? Кто можетъ знать: не имѣетъ ли онъ коммунистическихъ воззрѣній вообще на собственность? А собственность составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ первыхъ основъ существующаго порядка».

Эти мысли склоняли меня снова на сторону «Московскихъ Вѣдомостей». Я вновь прочитывалъ ихъ громовыя статьи и думалъ, что все, что онѣ говорятъ, возможно. Я соглашался даже съ тѣмъ, что всякій литераторъ можетъ быть заговорщикомъ, самъ не зная и не подозревая того; онъ можетъ быть кругомъ опутанъ интригою и мыслить подъ вліяніемъ ея, самодовольно воображая при этомъ себѣ, что онъ мыслитъ вполне самостоятельно и независимо. Я началъ сомнѣваться даже въ самомъ себѣ. Я началъ думать: дѣйствительно ли то, что я пишу, пишу по собственному убѣжденію? Не опутанъ ли я измѣною, какъ и другіе? Не заговорщикъ ли я?

Соглашаясь съ этимъ, я неизбежно соглашался и съ новою системою слѣдствія, рекомендуемою «Московскими Вѣдомостями». По закону арестуютъ обыкновенно тѣхъ, противъ кого есть несомнѣнная улика относительно участія въ преступленіи. «Московскія Вѣдомости» держатся того мнѣнія, что такъ ничего не разыщешь, поймашь только мелкоту, а корни—главные виновники останутся скрытыми. По ихъ мнѣнію, надобно брать не по несомнѣннымъ уликамъ, и даже не по уликамъ, а такъ просто по предположенію или, точнѣе сказать, по вдохновенію. Бѣлоголовый пишетъ статью противъ Полунина, защищаемаго совѣтомъ московскаго университета, — очевидно, онъ агитаторъ, его надобно взять. Шелгуновъ, Суворинъ, Генкель осмѣлились не соглашаться съ «Московскими Вѣдомостями», и даже непочтительно отозваться о ихъ редакторѣ. А и «Московскія Вѣдомости», и редакторъ ихъ суть столпы отечества. Слѣдовательно, Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель хотять потрясти столпы отечества, и даже, можетъ быть, выковырнуть ихъ. Не ясно ли, что они не только вредные агитаторы, но нѣкоторымъ образомъ враги отечества? Но они, то есть Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель—только вожди. За ними стоятъ цѣлыя партіи ихъ единомышленниковъ и пособниковъ. Не очевидно ли, что для порядка было бы не худо и каждому изъ сихъ послѣднихъ помочь въ процессѣ самообисканія и

виѣстѣ съ тѣмъ позкзаменоватъ каждого изъ нихъ въ нѣкоторой особой исповѣди по вопросамъ: «Съ кѣмъ вы знакомы?» «Кого вы изъ вашихъ знакомыхъ больше любите, и у кого чаще бывали?» «О чемъ вы между собою разговаривали?» «Какихъ вы держитесь убѣжденій относительно религіи, образа правленія и т. п.?»

Въ словахъ моихъ теперь проглядываетъ, какъ замѣчаетъ, конечно, читатель, нѣкоторымъ образомъ скептическое отношеніе къ рекомендуемой «Московскими Вѣдомостями» системѣ слѣдствія. Но когда я читалъ громоздныя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» и находился подъ ихъ вліяніемъ, тогда было не то. Мнѣ думалось, что иначе и быть не можетъ и не должно быть; что такъ именно должно производиться слѣдствіе, какъ онѣ рекомендуютъ, что надобно захватить и посадить въ тюрьму всѣхъ, кто занимается литературой въ Петербургѣ, кто сочувствуетъ ей, кто читаетъ ее.

Изъ этого убѣжденія я сталъ нѣсколько выходить только тогда, когда озлобленная «Московскими Вѣдомостями» петербургская литература вооружилась на нихъ почти поголовно. Походъ предпринять былъ такъ удачно, такъ во время и встали, что увѣчался неожиданной побѣдой. «Московскія Вѣдомости» смирились и раскаялись, но раскаялись такъ неопредѣленно и смутно, что трудно понять, въ чемъ онѣ раскаялись.

Вотъ почему я не могу не признаться, что побѣда надъ ними напоминаетъ мнѣ известную всѣмъ народную картину погребенія *кота мышами*. Мыши вообразили себѣ, что котъ умеръ и высыпали изъ всѣхъ своихъ норъ, чтобы праздновать свое торжество. Но котъ не умеръ, а только притворился умершимъ, чтобы тѣмъ удобнѣе разсмотрѣть своихъ враговъ и узнать ихъ норы..... Конечно, для мышей отдыхъ и то, если котъ на время только успокоился или по крайней мѣрѣ явился приниженнымъ, но отдыхъ этотъ, какъ читатель самъ пойметъ—недостаточно успокоительный. Правильно поставлено будетъ общество только тогда, когда въ немъ не будетъ возможности однимъ дѣлаться котами, а другимъ мышами.....

А такая постановка общества зависить отъ перемѣны системы политическаго процесса.

Есть, впрочемъ, основаніе думать, что эта перемѣна уже начинается. По крайней-мѣрѣ въ нечаевскомъ дѣлѣ слѣдствіе производилось подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора обыкновенными судебными слѣдователями; аресты, говорятъ, также производились съ согласія прокурорскаго надзора. Наконецъ назначенъ, согласно судебнымъ уставамъ, сенаторъ кассационнаго департамента для веденія всего слѣдственнаго процесса, какъ такого, который долженъ будетъ поступить на разсмотрѣніе верховнаго суда. Для спокойствія общества болѣе ничего и ненужно, кромѣ того, чтобы каждый политическій процессъ

производился на точномъ основаніи судебныхъ уставовъ. По крайней мѣрѣ, люди непинные не будутъ трепетать вмѣстѣ съ виновными, а съ людей слишкомъ прозорливыхъ, въ родѣ, на примѣръ, публицистовъ «Московскихъ Вѣдомостей», снимется непосильное бремя отыскиванія виноватыхъ по градамъ и весямъ обширнаго нашего отечества. И навѣрное они сами почувствуютъ себя не въ примѣръ противъ прежняго легче...

